5.7.2. История философии

Научная статья

УДК 1(091)(470)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Бирюков Игорь Леонидович, кандидат философских наук, преподаватель, Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии Русской Православной Церкви, Россия, Армавир, armavir.igor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается, как русские мыслители конца XIX и первой половины XX века читали трансцендентальную философию И. Канта и какие типы прочтения сложились. Цель состоит в том, чтобы сопоставить интерпретации по единому основанию и проверить это основание на спорах современных историков. Материалом служат работы 2024, 2025 и 2026 годов, монографии Н. А. Дмитриевой и Т. Немета и три первоисточника, среди них статья В. С. Соловьева об И. Канте и русский перевод первой «Критики» Н. О. Лосского. Применены историко-философская реконструкция, сравнительно-типологический, герменевтический и контекстный анализ. Выделены пять моделей, а именно академическое кантианство, неокантианство в системном и аксиологическом вариантах, религиозно-философская критика с переработкой, марксистское прочтение и послереволюционная рецепция. Показано, что разногласия о самостоятельности русского неокантианства вытекают из выбора критерия близости к И. Канту. Предложено сравнивать прочтения по отношению к тексту, методу и проблематике. Результаты уточняют границы понятия «русское неокантианство» и вводят в научный оборот переводческий и педагогический материал. Привлечены данные об учебных программах, переводческих решениях и диссертациях.

Ключевые слова. рецепция Канта; трансцендентальная философия; русское неокантианство; академическое кантианство; религиозная философия; модели интерпретации.

Original article

MAIN MODELS OF INTERPRETING IMMANUEL KANT'S TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY IN RUSSIAN THOUGHT OF THE LATE NINETEENTH AND THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Biriukov Igor Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Stavropol Theological Seminary, Armavir, Russia, armavir.igor@mail.ru

Abstract. The article examines how Russian thinkers of the late nineteenth and the first half of the twentieth century read Kant's transcendental philosophy and which types of reading emerged from it. The aim is to compare the interpretations on a single basis and to test this basis against the disputes of modern historians. The material comprises studies of 2024, 2025 and 2026, monographs by N. A. Dmitrieva and T. Nemeth, and three primary sources, among them V. S. Solovyov's article on Kant and N. O. Lossky's Russian translation of the first Critique. The methods are historical-philosophical reconstruction, comparative-typological, hermeneutic and contextual analysis. Five models are identified, namely academic Kantianism, neo-Kantianism in its systematic and axiological versions, religious-philosophical criticism with reworking, the Marxist reading, and post-revolutionary reception. It is shown that disagreements about the independence of Russian neo-Kantianism largely follow from the choice of a criterion of closeness to Kant. A comparison by the attitude to the text, to the method and to the range of problems is proposed. The results refine the boundaries of the notion "Russian neo-Kantianism" and bring translation and pedagogical material into scholarly use. Data on curricula, translation decisions and dissertations are used.

Keywords. Kant's reception; transcendental philosophy; Russian neo-Kantianism; academic Kantianism; religious philosophy; models of interpretation.

Введение. О том, что И. Кант повсеместно присутствовал в русской мысли, историки почти не спорят. Н. А. Дмитриева считает, что «ни один сколько-нибудь значимый российский мыслитель не прошел мимо его философии» [1]. В. С. Соловьев в энциклопедической статье писал, что за И. Кантом остается «заслуга великого возбудителя», но не решителя важнейших вопросов [2]. Понимание удобно тем, что не называет результата возбуждения. И. Кант бывал для русских авторов учителем, поводом для спора, мишенью проповеди и просто словарем, из которого брали отдельные термины.

Когда влияние всеобще, по нему нельзя судить о характере рецепции, и современные работы расходятся в оценках. Т. Немет, автор монографии 2022 года, пишет, что в русском неокантианстве было мало собственно И. Канта и что никто из его участников всерьез не занялся трансцендентальной дедукцией[3]. В. Н. Белов и А. С. Перепечина, напротив, видят в нем самостоятельное движение, которое не держалось за школу и зависело от национальной культуры[4]. Оба вывода выросли из одного круга текстов. Они расходятся потому, что близость к И. Канту авторы измеряют разными мерками.

Цель статьи состоит в том, чтобы разделить русские прочтения трансцендентальной философии на типы по единому основанию и проверить, как это основание ведет себя в историографических спорах. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1) описать, какие вопросы к И. Канту ставили академические профессора, неокантианцы, религиозные философы и марксисты;

2) сопоставить их ответы по отношению к букве кантовского текста, к

[1] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 55.
[2] Соловьев В. С. Кант // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 441.
[3] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[4] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 12.

трансцендентальному методу и к кругу проблем;

3) показать, какие споры современных авторов снимаются такой постановкой, а какие остаются.

Обзор литературы. Планку основательности в изучении русского И. Канта задали очерк Г. Г. Шпета 1922 года и история русской философии В. В. Зеньковского. Н. А. Дмитриева продолжает их традицию и называет настольными две книги А. Н. Круглова[5]. Сам предмет менялся. До последней трети XIX века И. Кант звучал в России тише, чем Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель и Л. А. Фейербах, а с 1870-х и 1880-х годов его наследие стало наиболее цитируемым в работах самых разных направлений[6]. У этого поворота был внешний фон. Книга Л. Бюхнера «Сила и материя» к 1898 году выдержала 19 изданий, а «Мировые загадки» Э. Геккеля к 1926 году вышли на 25 языках тиражом 400 тысяч экземпляров, и грубый материализм преобладал в общественном сознании еще долго после того, как естествоиспытатели оставили его[7].

Т. Немет рассказывает историю русского неокантианства как цикл появления, распространения и исчезновения, который уложился примерно в 40 лет[8]. Скромный международный отклик он объясняет отсутствием текстового канона и считает, что движение не вышло из подготовительных проектов, программных деклараций и предварительных набросков, и здесь он цитирует В. Н. Белова[9]. В. Н. Белов иначе использует ту же формулу. Русское неокантианство, пишет он, осталось «в подготовительных проектах, программных заявлениях, предварительных набросках», и потому историк становится строителем, а не реставратором[10]. В. Н. Белов и А. С. Перепечина

[5] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 55.
[6] Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 107.
[7] Там же. – С. 27, 28.
[8] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[9] Ibid. – P. 318.
[10] Белов В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 66.

предлагают к тому же собственный критерий. Кантианцы, по их мысли, считают букву и дух кантовской системы неразделимыми, а неокантианцы полагают, что буква зависит от истории и поэтому может меняться ради сохранения духа[11].

А. Н. Круглов спорит не с неокантианцами, а с привычными шаблонами о религиозной философии. Утверждение В. В. Зеньковского, будто россияне узнали И. Канта в 1807 году из переводной французской книги, до сих пор переходит из работы в работу, хотя И. В. Л. Мельман по праву считается первым кантианцем в России, а первый русский перевод «Основоположения к метафизике нравов» вышел в 1803 году[12]. А. Н. Круглов считает, что абсолютизация линии решительного отвержения И. Канта приводит к тому, что «нейтральное или позитивное отношение к Канту воспринимается словно некая аномалия или маргинальная позиция, недостойная серьезного изучения»[13]. Н. А. Дмитриева поддерживает описанный поворот к источникам второго ряда. Она напоминает, что трансцендентальная философия, которая шла от И. Канта, развивалась в Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях на протяжении XIX века, и просит не отмахиваться от текстов «deorum minorum»[14].

Н. А. Дмитриева называет четыре пробела, а именно духовные академии, судьбу отдельных сочинений И. Канта, вклад русских неокантианцев в российское кантоведение и послереволюционную кантиану[15]. Часть перечисленных пробелов заполняется узкими работами последних лет. Д. О. Рожин восстанавливает прочтение И. Канта у Алексея Введенского и раннего П. А. Флоренского, Л. Ю. Корнилаев прослеживает фихтеанскую линию неокантианцев и этику П. И. Новгородцева, М. А. Колеров публикует юбилейный текст С. И. Гессена 1924 года, Т. Г. Румянцева разбирает защиту

[11] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 7.
[12] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 36.
[13] Там же. – С. 43.
[14] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 56.
[15] Там же. – С. 58.

И. Канта у Г. В. Плеханова, Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова сопоставляют критицизм И. Канта с интуитивизмом Н. О. Лосского, Д. П. Козолупенко изучает прочтение И. Канта у Я. Э. Голосовкера, Дж. Милбанк восстанавливает фихтеанский ход мысли С. Н. Булгакова. Сводной работы, которая поставила бы имеющиеся прочтения рядом по одной шкале, пока нет. Настоящая статья делает такую попытку на небольшом материале.

Методы исследования. Работа строится на историко-философской реконструкции. Для каждой модели восстанавливается круг вопросов, который автор задавал И. Канту, и тот текст, к которому он обращался, будь то подлинник, перевод, учебный курс или чужой комментарий. Сравнительно-типологический анализ сопоставляет модели по трем признакам из введения. Герменевтическое чтение применяется к первоисточникам, то есть к статье В. С. Соловьева об И. Канте, к работе А. И. Введенского 1895 года и к русскому переводу первой «Критики» Н. О. Лосского с аппаратом В. А. Жучкова. Контекстный анализ учитывает среду, в которой звучало высказывание, то есть духовные академии, университеты, журнал «Логос», эмиграция и советская печать.

Материал составили исследования 2024, 2025 и 2026 годов, две монографии (Н. А. Дмитриевой 2007 года и Т. Немета 2022 года) и три первоисточника. Источники 2024 года (А. Н. Круглов, М. А. Колеров, Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова) понадобились потому, что на статьи А. Н. Круглова и М. А. Колерова опирается Н. А. Дмитриева в обзоре 2025 года[16], а работа Д. А. Бабиной и Е. В. Сердюковой остается единственной в подборке, где Н. О. Лосский рассматривается критиком И. Канта по существу логики. Выводы о частных сюжетах ограничены тем, что подтверждают сами исследования, на которые опирается статья.

Результаты. Сопоставление дало пять моделей. Они стоят примерно в хронологическом порядке, но ни одна не исчезала с появлением следующей, а один и тот же автор иногда попадает сразу в две.

[16] Там же. – С. 58.

Академическое кантианство и спор о духе и букве. Первая модель складывалась на кафедрах университетов и духовных академий и держалась за текст. В. Н. Белов и А. С. Перепечина показывают, как трудно провести границу. Петербургский профессор А. И. Введенский в магистерской диссертации 1888 года согласовал свои взгляды с И. Кантом только по духу, но не по букве[18], а его ученик И. И. Лапшин в 1906 году потребовал держаться духа, а не буквы кантовской теории познания[17].

Иной А. И. Введенский работал в Московской духовной академии. Алексей Иванович Введенский, однофамилец петербуржца, считал, что И. Канта нельзя обойти тому, кто занимается философией всерьез, но принимать его целиком тоже нельзя[18]. Одной из самых крупных ошибок кантовской теории познания он считал жесткое разграничение созерцаний и понятий, потому что нет понятия без созерцательного элемента и нет созерцания без логических элементов[19]. Д. О. Рожин осторожно заключает, что строгим неокантианцем А. И. Введенский не был, но может считаться им «в широком смысле»[20]. В. В. Зеньковский называл его «плодовитым, но мало оригинальным»[21].

Спор о букве хорошо виден на одном слове. Н. О. Лосский учился у петербургского А. И. Введенского[22] и переводил кантовское Anschauung оборотом «наглядное представление», потому что для него созерцание означало непосредственное интуитивное знание. В. А. Жучков заметил, что его перевод порождает недоразумения и тавтологии, поскольку И. Кант различает созерцание и представление[23].

[17] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11, 12.
[18] Рожин Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 1211.
[19] Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: разъяснение и критика. Окончание // Богословский вестник. – 1895. – Т. 3. – № 7. – С. 76.
[20] Рожин Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 1218.
[21] Там же. – С. 1206.
[22] Бабина Д. А., Сердюкова Е. В. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 391.
[23] Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. А. Жучков. – Москва: Наука, 1999. – С. 6.

Неокантианство в системном и аксиологическом вариантах. Часть работ русские неокантианцы печатали в Германии. С. И. Гессен издал в Берлине «Индивидуальную каузальность» (1909), Г. Э. Ланц напечатал в Гейдельберге исследование о кантовском учении об объективности (1911), С. Л. Рубинштейн защитил диссертацию в Марбурге (1914)[24]. Многие будущие неокантианцы пришли с юридических факультетов, потому что обществу той поры требовалось больше юристов, чем профессоров философии, и юристам платили лучше[25]. Отсюда, по Т. Немету, больший интерес к социальным наукам, чем к естественным.

П. И. Новгородцев показывает, как трудно провести границы школы. Е. А. Фролова называет его представителем Баденской школы, а И. А. Кацапова пишет, что он не был последовательным кантианцем. Л. Ю. Корнилаев не выбирает между ними и указывает на общий признак, то есть на явное аксиологическое содержание проекта. П. И. Новгородцев поправлял кантовскую этику Г. В. Ф. Гегелем и В. С. Соловьевым[26]. М. А. Колеров же напоминает, что перед лицом марксистской социал-демократии он поставил рядом Г. В. Ф. Гегеля как вдохновителя марксизма и И. Канта как вдохновителя либерализма[27]. У Л. Ю. Корнилаева Г. В. Ф. Гегель служит поправкой к И. Канту, у М. А. Колерова противником, и описания совместимы, потому что первый автор смотрит на этику, а второй на политический спор.

С. И. Гессен перенес представленную логику в педагогику. Индивид, по С. И. Гессену, выходит за пределы личных целей к целям-заданиям, которые превосходят срок одной человеческой жизни, а то, что из них осуществляется в культуре, называется преданием[28].

[24] Белов В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 67.
[25] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 8.
[26] Корнилаев Л. Ю. Аксиологические основания социального в философии П. И. Новгородцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 209, 210.
[27] Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 153.
[28] Загирняк М. Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 125.

Самый заметный общий предмет русских неокантианцев связан с И. Г. Фихте. Б. В. Яковенко отверг привычное деление И. Г. Фихте на ранний и поздний периоды и заключил, что гипотезу о двух периодах нужно оставить. Л. Ю. Корнилаев подводит итог в одной фразе. «Философия Фихте сыграла важную методологическую роль в историко-философских и теоретических исследованиях русских неокантианцев»[29]. Т. Немет оценивает линию суровее. По его словам, Б. В. Яковенко можно назвать неонеокантианцем, и то же справедливо для значительной части движения[30].

Религиозно-философская критика и переработка. В. С. Соловьев задал модели образец. Он критиковал И. Канта с позиций онтологизма, и все же в статье для словаря Брокгауза и Эфрона 1895 года дал, по оценке Н. А. Дмитриевой, едва ли не лучшее в русской кантиане XIX века изложение его учения и корректную критику[31]. Если все, что я могу знать, есть только представление моего ума, рассуждает В. С. Соловьев, то и я существую только в собственном представлении, и все учение И. Канта о трансцендентальном единстве сознания оказывается petitio principii. Выход он видел в различении эмпирического и трансцендентального субъекта[32]. Как далеко он стоял от И. Канта, спорили уже современники. А. И. Введенский в речи 1900 года объявил заслугой В. С. Соловьева распространение критицизма в России, а В. Ф. Эрн возразил, что А. И. Введенский «не столько изучает гносеологию Соловьева, сколько неокантизирует по поводу нее»[33].

Н. О. Лосский вырос между двумя учителями. По его воспоминаниям, влияние И. Канта и А. И. Введенского запрещало ему заниматься метафизикой как гносеологически неоправданной, а влияние Г. В. Лейбница и А. А. Козлова влекло к ней, и выходом стала формула «все имманентно всему». Книга

[29] Корнилаев Л. Ю. Идеи Фихте в философских учениях русских неокантианцев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44. – № 2. – С. 112, 122.
[30] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 320.
[31] Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 112.
[32] Соловьев В. С. Кант // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 472–473.
[33] Там же. – С. 478–479.

«Обоснование интуитивизма», по оценке В. Я. Перминова, выступает против кантовской теории познания и представляет попытку ее систематического опровержения. С. И. Гессен нашел в рецензии, что интуитивизм отличается от исторического И. Канта «по-видимому, только своим отрицанием субъективизма», а другой автор, которого цитируют Д. А. Бабина и Е. В. Сердюкова, считает, что Н. О. Лосский «в каком-то смысле старался спасти трансцендентальный идеализм от самого Канта»[34].

П. А. Флоренский показывает, что отношение религиозного философа к И. Канту не сводится к одному эпитету. В 1908 году на пробной лекции И. Кант предстал у П. А. Флоренского «исполином философии». В курсе 1910/11 учебного года было 28 экзаменационных вопросов, и 19 из них касаются «Критики чистого разума», а среди 36 билетов предыдущего года И. Канту достались только два вопроса [35] . Рядом стоит речь 1914 года, где П. А. Флоренский говорил об И. Канте как о «Столпе Злобы Богопротивныя». А. Н. Круглов напоминает, что обвинения в «чертовщине» возникли в протестантской Германии еще при жизни И. Канта, а среди эпитетов И. Г. Гердера для критической философии есть «трансцендентальная зараза»[36].

С. Н. Булгаков шел к И. Канту через И. Г. Фихте. По Дж. Милбанку, он упрекает И. Канта в том, что тот подозрительно умалчивает о трансцендентальной апперцепции в трансцендентальной эстетике, хотя именно там самость переживает пространство и время[37].

Марксистское прочтение. Г. В. Плеханов обращался к И. Канту чаще, чем кто-либо из русских марксистов. В его 24-томном собрании сочинений 1920-х годов ссылки на И. Канта и «кантианство» встречаются более тысячи раз, и

[34] Бабина Д. А., Сердюкова Е. В. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 391, 392, 394.
[35] Рожин Д. О. О значении кантовской философии для П. А. Флоренского в ранний период его творчества // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – Т. 10. – № 1. – С. 255, 261.
[36] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 40.
[37] Милбанк Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4. – № 1. – С. 82.

больше ссылок только на К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Ф. Гегеля. Он читал И. Канта на языке оригинала, но не различал кантианство и неокантианство, а в отличие от ряда русских философов не поверял К. Маркса И. Кантом, а скорее наоборот. Парадокс его позиции в том, что он защищал И. Канта от неокантианцев. Вслед за Ф. Энгельсом, который назвал попытку неокантианцев воскресить И. Канта шагом назад, Г. В. Плеханов критиковал Ф. А. Ланге, К. Шмидта, К. Лассвица и Э. Бернштейна. В. И. Ленин счел его критику слишком вульгарно-материалистической, потому что Г. В. Плеханов только с порога отвергал рассуждения кантианцев, а не исправлял их, как Г. В. Ф. Гегель исправлял И. Канта, а «Большая советская энциклопедия» 1939 года назвала лозунг «возврат к Канту» критикой справа по отношению к историческому И. Канту[38].

Послереволюционное и пограничное прочтение. Послереволюционное прочтение проще всего показать двумя примерами, которые мало похожи друг на друга. В 1924 году С. И. Гессен в эмиграции написал для берлинской газеты «Руль» юбилейную статью об И. Канте. М. А. Колеров, который перепубликует ее, пишет, что автор выступал с позиций «правового социалиста» и обошелся без прямых политических выводов. Для газеты текст оказался рекордным по длине, он занял целую полосу и четверть следующей, а итоговая формула такова, что философия должна установить пределы Добра так же, как И. Кант установил границы разума[39].

Второй пример далек от первого по времени и по среде. Я. Э. Голосовкер выпустил в 1963 году книгу «Достоевский и Кант». До нее его знали как филолога и переводчика, а в лучших историях русской философии, у В. В. Зеньковского (1948) и Н. О. Лосского (1951), его имени нет. Первый серьезный отзыв на книгу вышел только в 1979 году, и не в отечественной печати, а в журнале «Kant-Studien». Я. Э. Голосовкер доказывал, что Ф. М. Достоевский

[38] Румянцева Т. Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44. – № 1. – С. 92, 93, 99.
[39] Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 152, 157.

изобразил не И. Канта, а его схему и карикатуру, и Д. П. Козолупенко добавляет, что именно этот образ, который неприемлем для религиозной мысли, стал направляющим для части русских философов с конца XIX века[40].

Обсуждение результатов. Три признака, которые были приняты во введении, по-новому освещают спор Т. Немета с В. Н. Беловым и А. С. Перепечиной. Т. Немет измеряет близость к И. Канту по букве и по методу, то есть по тому, насколько подробно авторы разбирали три «Критики» и трансцендентальную дедукцию. По такой мерке неокантианство действительно выглядит тонким слоем. В. Н. Белов и А. С. Перепечина смотрят на проблематику и на независимость, и по их мерке движение оказывается самостоятельным. Оба описания верны на своих основаниях и друг друга не опровергают. Граница между кантианством и неокантианством у В. Н. Белова и А. С. Перепечиной проходит по отношению к букве, и схема статьи добавляет к ней метод и проблематику.

Из материала следует и менее очевидный результат. Если искать внимание к самому нерву кантовского текста, то есть к трансцендентальному единству апперцепции, оно обнаруживается за пределами строгого неокантианства. В. С. Соловьев увидел в этом учении petitio principii, а С. Н. Булгаков по Дж. Милбанку упрекнул И. Канта в молчании об апперцепции там, где речь идет о пространстве и времени. В. С. Соловьева при этом Т. Немет исключает из движения, хотя и он, и Б. Н. Чичерин многое принимали в кантовской этике[41]. Выходит, что вопрос о дедукции задавали те, кого неокантианская историография не считает своими, а неокантианцы с юридическим и педагогическим образованием спрашивали о праве, ценностях и воспитании. Вывод осторожен, потому что опирается на ограниченный круг работ, а не на полный обзор текстов.

Модели соединяет посредничество И. Г. Фихте, которое незаметно при

[40] Козолупенко Д. П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я. Э. Голосовкера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 400, 403, 407.
[41] Nemeth T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 4.

делении по школам. Б. В. Яковенко читает И. Г. Фихте как единого мыслителя, С. Н. Булгаков возвращается к проблемам, которые И. Г. Фихте решал после критики И. Канта, а Дж. Милбанк находит неявный возврат к И. Г. Фихте у самого Г. Когена[42]. Т. Немет поэтому, вероятно, прав в одном. Значительная часть русского движения действительно была неонеокантианской, что говорит скорее о дороге, чем о слабости, потому что И. Кант не напрямую приходил в Россию. В. Н. Белов и А. С. Перепечина замечают то же, когда напоминают, что в России не было европейской последовательности кантианства, идеализма и возврата к И. Канту[43].

Отвержение И. Канта не означало незнания. П. А. Флоренский отдал «Критике чистого разума» большую часть экзаменационных вопросов, Н. О. Лосский взялся переводить ее, чтобы преодолеть критицизм, В. С. Соловьев в энциклопедической статье разобрал учение о единстве сознания. А. Н. Круглов и Д. П. Козолупенко приходят к сходному выводу с разных сторон. Первый считает стилизацией традицию восприятия И. Канта, которую связывают с именами В. Н. Карпова, Никанора и П. А. Флоренского, а второй показывает на примере Я. Э. Голосовкера, как схема и карикатура становятся направляющим образом И. Канта. Различие между моделями поэтому не совпадает с делением на сторонников и противников.

Перспективы дальнейших исследований. Перспективными кажутся четыре направления. Первое состоит в чтении трансцендентальной дедукции в русских текстах, в том числе неакадемических, потому что гипотеза о ее обсуждении вне неокантианства требует проверки по первоисточникам. Второе касается русского зарубежья, об отношении которого к И. Канту, по словам Н. А. Дмитриевой, известно совсем мало[44]. Третье состоит в сравнении с другими православными странами и католической и протестантской рецепцией.

[42] Милбанк Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4. – № 1. – С. 81.
[43] Belov V. N., Perepechina A. S. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – P. 13.
[44] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 58.

А. Н. Круглов называет такие страны, как Сербия, Болгария и Греция, и сожалеет, что нет тома «Кант и православие» по образцу сборника «Кант и католицизм»[45]. Четвертое касается архивов. Н. А. Дмитриева указывает на конспекты лекционных курсов, малотиражные издания и архивные материалы, без которых рецепция И. Канта в России не будет изучена полно[46].

Заключение. Главный итог касается основания сравнения. Деление на сторонников и противников И. Канта объясняет мало, потому что самые резкие критики читали его внимательнее других. Различие моделей проходит по тому, что именно в И. Канте считают живым, букву, метод или проблему, и по тому, откуда на него смотрят, с кафедры, из храма, из партии или из эмиграции.

Принадлежность автора к модели подвижна. А. И. Введенский, Н. О. Лосский, С. И. Гессен и Г. В. Плеханов оказываются сразу в нескольких клетках, поэтому типология полезна как набор вопросов к тексту. Для историков это означает, что в каждом утверждении о близости к И. Канту или удаленности от него стоит называть критерий, по которому оно сделано. Ограничения работы очевидны. Она опирается на ограниченный круг литературы и на три первоисточника, поэтому выводы о частных сюжетах придется проверять по архивам и по полным текстам.

Список литературы

1. Бабина, Д. А. Аналитические и синтетические суждения: критицизм И. Канта и интуитивизм Н. О. Лосского / Д. А. Бабина, Е. В. Сердюкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 388–402.

2. Белов, В. Н. Трансцендентальная философия в России: Кант и неокантианство / В. Н. Белов // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 63–69.

[45] Круглов А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 43.

[46] Дмитриева Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 56.

3. Введенский, А. И. Учение Канта о пространстве: разъяснение и критика. Окончание / А. И. Введенский // Богословский вестник. – 1895. – Т. 3, № 7. – С. 73–102.

4. Дмитриева, Н. А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны / Н. А. Дмитриева // Философский журнал. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 53–62.

5. Дмитриева, Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки / Н. А. Дмитриева. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 511 с.

6. Загирняк, М. Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена / М. Ю. Загирняк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 119–132.

7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. О. Лосского; с вариантами переводов на русский и европейские языки; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. А. Жучков. – Москва: Наука, 1999. – 655 с.

8. Козолупенко, Д. П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я. Э. Голосовкера / Д. П. Козолупенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 398–419.

9. Колеров, М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году / М. А. Колеров // Кантовский сборник. – 2024. – Т. 43, № 2. – С. 152–159.

10. Корнилаев, Л. Ю. Аксиологические основания социального в философии П. И. Новгородцева / Л. Ю. Корнилаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2026. – Т. 30, № 1. – С. 207–217.

11. Корнилаев, Л. Ю. Идеи Фихте в философских учениях русских неокантианцев / Л. Ю. Корнилаев // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44, № 2. – С. 101–126.

12. Круглов, А. Н. Общее состояние исследований рецепции Канта в русской религиозной философии и его проблемы / А. Н. Круглов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I:

Богословие. Философия. Религиоведение. – 2024. – Вып. 115. – С. 34–47.

13. Милбанк, Дж. Сергей Булгаков: от грамматики к премудрости / Дж. Милбанк; пер. с англ. Г. Д. Мурина // Отечественная философия. – 2026. – Т. 4, № 1. – С. 77–99.

14. Рожин, Д. О. Алексей Иванович Введенский: между кантианством и неокантианством / Д. О. Рожин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 1204–1222.

15. Рожин, Д. О. О значении кантовской философии для П. А. Флоренского в ранний период его творчества / Д. О. Рожин // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 246–272.

16. Румянцева, Т. Г. Плеханов как «защитник» Канта от неокантианцев / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2025. – Т. 44, № 1. – С. 89–106.

17. Соловьев, В. С. Кант / В. С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца [и др.]; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 441–479.

18. Belov, V. N. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition / V. N. Belov, A. S. Perepechina // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4, No. 1. – P. 1–17.

19. Nemeth, T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution / T. Nemeth. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – IX, 345 p.

References

1. Babina, D. A. Analiticheskie i sinteticheskie suzhdeniya: krititsizm I. Kanta i intuitivizm N. O. Losskogo / D. A. Babina, E. V. Serdyukova // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2024. – T. 28, № 2. – S. 388–402.

2. Belov, V. N. Transtsendental'naya filosofiya v Rossii: Kant i neokantianstvo / V. N. Belov // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 2. – S. 63–69.

3. Vvedenskii, A. I. Uchenie Kanta o prostranstve: raz"yasnenie i kritika. Okonchanie / A. I. Vvedenskii // Bogoslovskii vestnik. – 1895. – T. 3, № 7. – S. 73–102.

4. Dmitrieva, N. A. Kant v Rossii: temy, problemy, lakuny / N. A. Dmitrieva // Filosofskii zhurnal. – 2025. – T. 18, № 2. – S. 53–62.

5. Dmitrieva, N. A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii: istoriko-filosofskie ocherki / N. A. Dmitrieva. – Moskva: ROSSPEN, 2007. – 511 s.

6. Zagirnyak, M. Yu. Sotsial'naya pedagogika Paulya Natorpa v aksiologicheskom istorizme Sergeya Gessena / M. Yu. Zagirnyak // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 1. – S. 119–132.

7. Kant, I. Kritika chistogo razuma / I. Kant; per. s nem. N. O. Losskogo; s variantami perevodov na russkii i evropeiskie yazyki; otv. red., sost. i avt. vstup. st. V. A. Zhuchkov. – Moskva: Nauka, 1999. – 655 s.

8. Kozolupenko, D. P. «Monstruoznyi Kant»: retseptsiya osnovanii transtsendental'noi filosofii Kanta v kontseptsii Ya. E. Golosovkera / D. P. Kozolupenko // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 2. – S. 398–419.

9. Kolerov, M. A. Russkii politicheskii Kant posle liberalizma: S. I. Gessen o yubilee Kanta v 1924 godu / M. A. Kolerov // Kantovskii sbornik. – 2024. – T. 43, № 2. – S. 152–159.

10. Kornilaev, L. Yu. Aksiologicheskie osnovaniya sotsial'nogo v filosofii P. I. Novgorodtseva / L. Yu. Kornilaev // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2026. – T. 30, № 1. – S. 207–217.

11. Kornilaev, L. Yu. Idei Fikhte v filosofskikh ucheniyakh russkikh neokantiantsev / L. Yu. Kornilaev // Kantovskii sbornik. – 2025. – T. 44, № 2. – S. 101–126.

12. Kruglov, A. N. Obshchee sostoyanie issledovanii retseptsii Kanta v russkoi religioznoi filosofii i ego problemy / A. N. Kruglov // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. – 2024. – Vyp. 115. – S. 34–47.

13. Milbank, Dzh. Sergei Bulgakov: ot grammatiki k premudrosti / Dzh. Milbank; per. s angl. G. D. Murina // Otechestvennaya filosofiya. – 2026. – T. 4, № 1. – S. 77–99.

14. Rozhin, D. O. Aleksei Ivanovich Vvedenskii: mezhdu kantianstvom i neokantianstvom / D. O. Rozhin // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – T. 29, № 4. – S. 1204–1222.

15. Rozhin, D. O. O znachenii kantovskoi filosofii dlya P. A. Florenskogo v rannii period ego tvorchestva / D. O. Rozhin // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2026. – T. 10, № 1. – S. 246–272.

16. Rumyantseva, T. G. Plekhanov kak «zashchitnik» Kanta ot neokantiantsev / T. G. Rumyantseva // Kantovskii sbornik. – 2025. – T. 44, № 1. – S. 89–106.

17. Solov'ev, V. S. Kant / V. S. Solov'ev // Sochineniya: v 2 t. / obshch. red. i sost. A. V. Gulygi, A. F. Loseva; primech. S. L. Kravtsa [i dr.]; AN SSSR, In-t filosofii. – Moskva: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 441–479.

18. Belov, V. N. What is Russian Neo-Kantianism: Problems of Definition / V. N. Belov, A. S. Perepechina // Geltung: Journal of Studies on the Origins of Contemporary Philosophy. – 2025. – Vol. 4, No. 1. – P. 1–17.

19. Nemeth, T. Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution / T. Nemeth. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – IX, 345 p.

Статья поступила в редакцию 16.07.2026; одобрена после рецензирования 02.09.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 16.07.2026; approved after reviewing 02.09.2026; accepted for publication 26.10.2026.